

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

И. В. СТАРОДУБРОВСКАЯ

Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа)*

Статья посвящена роли межпоколенческого конфликта в процессе социальной трансформации. Несмотря на то, что данное явление носит всеобщий характер, есть основание для признания его особой роли в данном процессе, поскольку для периодов общественных переломов характерен особый тип межпоколенческого конфликта, связанный с нарушением межпоколенческой передачи ценностей. На примере Северного Кавказа, где были проведены масштабные полевые исследования, продемонстрировано, какие факторы влияют на формы и остроту межпоколенческого конфликта. Объясняется, почему языком, способом легитимации и механизмом мобилизации одной из сторон межпоколенческого конфликта в северокавказских республиках стала идеология исламского фундаментализма.

Ключевые слова: поколенческие иерархии, межпоколенческая передача ценностей и норм, межпоколенческий конфликт, исламский фундаментализм, Северный Кавказ.

Межпоколенческий конфликт как инструмент трансформации общественных отношений – *pro et contra*

Утверждение, что рассмотрение социальных отношений и противоречий на Северном Кавказе сквозь призму межпоколенческого конфликта имеет большую эвристическую ценность, обычно встречает непонимание и отторжение. Отмечается, что межпоколенческий конфликт есть всегда, во все эпохи и в любых условиях, поэтому его включение в анализ не может ничего всерьез прибавить к пониманию сегодняшних процессов, происходящих в этом регионе. Но так ли это?

* Статья подготовлена по материалам НИР 2015 г. “Модернизация и конфликты на Северном Кавказе” Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. В основу работы было положено исследование, проводившееся в 10 селах Дагестана, Чечни, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии а также в городах Махачкале и Грозном. Исследовались процессы трансформации традиционных институциональных структур на Северном Кавказе – поколенческих иерархий, гендерных иерархий, родовой структуры, коллективных механизмов принятия решений в рамках сельского социума и т.п. Основным методом исследования являлись глубинные интервью. Было проведено около 100 индивидуальных и групповых интервью, соотношение мужчин и женщин – примерно 70/30. Среди информантов также были представлены все возрастные категории: до 35 лет, 35–55 лет, более 55 лет.

Стародубровская Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, руководитель научного направления “Политическая экономия и региональное развитие” Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Адрес: 125009, г. Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. E-mail: irinas@iet.ru

Действительно, межпоколенческий конфликт – явление универсальное, но его характер и проявления существенно различаются в различные эпохи и в разных условиях.

Во-первых, если в современном, модернизированном обществе межпоколенческий конфликт в большинстве случаев открыто манифестируется (одежда, стиль поведения, предпочитаемые альтернативы жизненных стратегий), то в традиционной среде толерантность к подобным проявлениям гораздо меньше, и межпоколенческий конфликт не легитимизирован. *“Вот есть вот такое, скажем так, более или менее общество такое стабилизированное, где привыкли: старший говорит – младший слушает. Если ты даже не согласен со старшим, ты промолчишь”*; *“Здесь родителей почитают очень сильно, у нас здесь. Что скажут родители, вот для них [молодых] это как бы закон”*; *“Некуда деться. Потому что у нас такой [менталитет], заставляю слушать молодых, обязанность их – слушаться”*¹.

В каких-то селах уже достаточно давно, а в каких-то – еще совсем недавно функционировал механизм всеобъемлющего внешнего регулирования, обеспечивавшего контроль за членами местного сообщества и позволявшего держать молодежь “в узде”. Его описание информантами в различных местах, даже в различных республиках удивительно сходно, вплоть до деталей. Можно выделить три ключевых элемента данного механизма.

1. Единство всех носителей возрастного и властного авторитета для контроля за поведением младших и за сохранением системы традиционных отношений в целом. Учителя, старейшины, родители, власти поддерживали друг друга в этом процессе, обменивались информацией, могли несколько раз наказать младшего за один и тот же проступок (например, сначала в школе, потом дома). *“Я помню там, если в школе не отучился, пришел, на тебя учительница жалуется, тебя учительница отчитывала, и еще и дома получал по полной программе”*; *“Вот я в школе, вот мы в школе учились. Нас учителя, бывало, там так надают нам тумаков. Так я был готов, чтобы меня там убили, лишь бы дома не сообщили. Если родителям скажут, это вообще, меня совсем убьют. Тоже, если узнают только, что учитель мне замечание сделал”*.

2. Безоговорочное подчинение младших старшим, независимо от наличия родственных отношений. Старший мог потребовать от любого младшего выполнения практически любого поручения – сходить за хлебом, водкой, сигаретами, помочь в чем-то. Младший не имел возможности отказаться, даже если был занят или это ему было неудобно (например, нужно было идти далеко и ночью). *“Старший говорит – идешь даже по своим делам – сбегай там, хлеб купи или там сигарет купи. Мы вообще даже и не думаем – взял, побежал, купил”*. Подобное подчинение также поддерживалось коллективными действиями старших и носителей авторитета. *“Родителей не устраивало, если я не пошел. Лично я взбучку получал”*. При возникновении разногласий мнение старшего автоматически считалось правильным, вне зависимости от сути вопроса.

3. Использование страха и стыда в качестве инструментов воздействия. *“Ребенок должен чего-то бояться... Чего-то должен бояться. Без страха нет стыда”*. Информанты вспоминали, что молодежь вообще боялась пройти мимо годекана (места, где сидели старшие), поскольку всегда мог найтись повод для наказания – *“любой старший там, старик, пусть не старик – мужчина, пожилой, старший – любой мог сделать замечание, любой мог наказать, вплоть до того, что палкой там избить, да”*. Причем наибольший страх был связан даже не с тем, что недовольный учитель или старший мог наказать, в том числе и физически, но с тем, что он пожалуется родителям, и тогда дома “вообще убьют”. Кроме того, страшно было, что о проступке сына или дочери все узнают, расскажут в сельсовете, в колхозе, и этот позор будет выставлен на всеобщее обозрение. *«Родителей вызовут в сельсовет, что там поругают, что там могут еще в комбинате на собрании коллектива сказать: “Вот, твой*

¹ Курсивом выделены цитаты из интервью, проведенных в ходе исследования.

сын что-то сделал, или с кем-то не поздоровался»»; «Я буду по улице идти, курить. И кто-нибудь из взрослых меня увидит, мне замечание сделает – это стыд-позор был. А не дай бог еще и домой придет – скажет. И возразить ни в коем случае».

В подобных условиях уже сам факт открытой манифестации межпоколенческого конфликта – свидетельство серьезной трансформации традиционных отношений.

Во-вторых, межпоколенческие отношения могут строиться двумя существенно разными способами. В большинстве случаев происходит «межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей» (Норт 2010, с. 81), то есть старшие поколения передают младшим ту структуру неформальных институтов, которая осталась им в наследство. Подобная передача вполне функциональна – она снижает неопределенность в обществе, повышает роль типовых решений во взаимодействии между людьми. «Фактически игра была структурирована для того, чтобы освободить индивида от неопределенности при принятии решений» (Норт 2010, с. 62). В этих условиях межпоколенческий конфликт также может проявляться. Но он не приводит к существенным ценностным изменениям, хотя и способен в определенной степени расширить возможности адаптации молодого поколения к жизненным реалиям. «Зачем изобретать велосипед, когда тебе дали готовый».

Однако в условиях серьезных социальных переломов, меняющих условия жизни людей, межпоколенческие отношения могут складываться по другой модели, когда младшее поколение отрицает правила и нормы жизни старшего и начинает поиск собственных ценностей и смыслов. Такой подход также рационален – в резко меняющейся среде прежние рецепты перестают работать, а старые нормы становятся оковами, не дающими молодому поколению успешно адаптироваться к происходящим изменениям. В результате возникает межпоколенческий ценностной разрыв, когда молодое поколение уже отрицает не только конкретные ограничения, накладываемые старшими, и принимаемые ими решения, но ценностную основу их жизни в целом. «*Старшее поколение... все сходятся на мнении, что потерянное поколение, так сказать... они в этом коммунизме своем где-то там замкнулись... Вот этот разрыв между поколениями очень сильно ощущается. Просто на разных языках*»; «*Действительно, это именно речь идет о понятиях человека..., когда у отца какие-то капиталистические понятия..., когда он живет мирским, а у сына, например, понятия... справедливости... По справедливости, неважно, что будет... Все-таки отец как, например, капиталист, он видит, что материальное благо для его семьи – это лучшее, что может быть. А ребенок думает, что как-то прожить по другим понятиям, несмотря на то, что там можешь материальных благ лишиться, он думает, что это ничего страшного*». В результате именно молодое поколение оказывается способным стать агентом социальной трансформации – «новые модели поведения берет на вооружение в первую очередь молодое поколение: людям старшего возраста труднее отказаться от глубоко усвоенных привычек и мировоззрения» (Инглхарт, Вельцель 2011, с. 43).

Отдельный вопрос – каким образом ценностной разрыв проявляется в межпоколенческих взаимоотношениях. Если изменения внешней среды происходят постепенно, расшатывая поколенческие иерархии; если старшее поколение понимает и принимает необходимость изменений; если предшествующее развитие подготовило почву для сосуществования в сообществе различных ценностных систем, ценностной переход может проходить эволюционно, без острой конфронтации между поколениями. Если же изменения носят обвальный характер, отход от ценностной монолитности рассматривается как подрыв основ, а старшее поколение и прежние авторитеты упорствуют в монополии на определение «правил игры», ценностной разрыв может принимать характер острого конфликта, иногда доходящего до насильственной стадии.

Надо сказать, что межпоколенческим отношениям не уделялось особого внимания в исследованиях глубоких модернизационных социальных трансформаций. Исключением являются работы Р. Инглхарта и его коллег, которые на материалах Всемирного исследования ценностей (*World Value Survey*) обнаружили, что разрыв между индустриальными (секулярно-рациональными) и постиндустриальными ценностями но-

сит поколенческий характер. “Представители когорт более поздних годов рождения почувствовали в годы своего личностного становления, что выживание не является проблемой, дающей повод для опасений, и что они могут принять его более или менее как должное. То, с чем столкнулись они, глубоко отличалось от условий, в которых складывалась жизнь большинства людей на протяжении большей части истории. ... Даже в пределах той или иной генерационной когорты многие продолжали принимать установившиеся нормы индустриального общества; другие усваивали новые ориентации и передавали их некоторым из сверстников через процессы социального обучения. Изменения были неравномерны. Но новые жизненные стили постепенно распространились – и в конечном счете это произошло потому, что они представляют более эффективные способы максимизировать выживание и субъективное благополучие в новых условиях” (*Инглхарт* 1997, с. 16 интернет-версии).

Очевидно, применительно к Северному Кавказу разговор о переходе от ценностей выживания к ценностям самовыражения явно несвоевременен. Однако важность исследований группы Инглхарта состоит в том, что ими были сформулированы не только специфические особенности межпоколенческого ценностного разрыва в условиях перехода от материальных к постматериальным ценностям системам, но и общие закономерности данного процесса: «Хотя в процессе социализации молодой человек усваивает культурные традиции, это не всегда означает воспроизводство конкретной системы ценностей в неизменном виде. В период формирования личности люди не всегда “впитывают” все те ценности, что общество им внушает. С наибольшей вероятностью они примут на вооружение те ценности, которые соответствуют их непосредственному опыту в период становления личности, и откажутся от тех, которые ему не соответствуют. В результате создается возможность для изменения ценностей в процессе смены поколений. Если социализация молодых людей происходит в условиях, существенно отличных от тех, что определяли характер представителей предыдущих поколений, ценности общества в целом постепенно изменятся за счет естественного воспроизводства населения» [*Инглхарт, Вельцель* 2011, с. 151].

Трансформация межпоколенческих отношений на Северном Кавказе: разные модели

Каким же образом происходит трансформация межпоколенческих взаимоотношений на Северном Кавказе сегодня, меняются ли традиционные поколенческие иерархии? Сразу оговоримся – под традициями взаимоотношений старших и младших могут подразумевать две взаимосвязанные, но по сути разные вещи. С одной стороны, это внешние проявления уважения к старшим – встать, когда старший заходит в помещение; дать старшему высказаться первому, не перебивая его; предложить подвезти старшего, если он идет пешком. С другой стороны, это реальность воздействия старших на взгляды, модели поведения и жизненные стратегии младших. Настоящее исследование обращает основное внимание на то, насколько старшее поколение ограничивает младших в выборе альтернативных вариантов жизненных стратегий: образовательных, миграционных, семейных. Вопросы, связанные с нормами поведения, затрагиваются лишь тогда, когда они пересекаются с содержательными трендами межпоколенческих взаимоотношений. Так, нарушение внешних проявлений уважения младших к старшим может быть связано как с высокой степенью фактической эмансипации молодежи, так и с открытой манифестацией межпоколенческого конфликта.

Очевидно, что системный кризис, связанный с глубокой трансформацией социальной реальности в начале 1990-х гг., отказом от коммунистической идеологии, переходом к рыночной экономике существенно затронул Северный Кавказ, как и всю остальную Россию. В данном регионе ситуация усугубилась тем, что посткоммунистический период характеризовался существенной активизацией процессов урбанизации, и разрыв между “еще сельскими” родителями и “уже городскими” детьми стал одним из существенных триггеров межпоколенческого конфликта. Тем не менее траектории

развития отдельных территорий значительно отличались, что предопределило существенную дифференциацию потребности в адаптации молодежи к новым условиям и связанным с этим изменением межпоколенческих взаимоотношений. Фактически с этой точки зрения можно выделить три типа территорий.

1. Территории, адаптировавшиеся к рыночной экономике еще в позднесоветское время (за счет активного развития теневой экономики); либо специализация которых оказалась востребованной в условиях рынка; либо выходцы из которых получили возможности продвижения в результате вхождения их представителей во властную элиту. Здесь межпоколенческий конфликт, даже если он возникал, вполне мог не выходить за границы “жизненного цикла”, если не появлялись какие-либо “отягчающие” обстоятельства.

2. Территории, где была возможность постепенной адаптации, потребность в изменениях возникала “волнами”, шаг за шагом расшатывая традиционные структуры. Здесь, при прочих равных условиях, складывалась возможность трансформации ценностей эволюционным путем в рамках ослабления поколенческих иерархий, без жесткого конфликта с предшествующими поколениями и при сохранении общих базовых ориентиров.

3. Территории, где новая социальная реальность требовала быстрой адаптации, свободы маневра, отказа от сложившихся правил и норм. В таких условиях вероятность острого межпоколенческого конфликта, связанного с ценностным разрывом, резко возрастала.

Второй фактор, влияющий на характер межпоколенческих взаимоотношений – это реакция старшего поколения, прежних авторитетов на новые потребности. Эта реакция важна как на уровне отдельных семей, так и целых сообществ. Здесь можно выделить две основные модели.

1. Старшие сами признают, что в новых условиях они не могут играть главенствующую роль и уступают дорогу более молодым, образованным и успешным (тем, чьи нормы модели поведения могут служить ориентиром для молодежи), связывая это с идущей в обществе модернизацией и принимая ее необходимость. *“Ну сейчас в цивилизованном мире везде, и в городах, и везде же сейчас рулят молодые, правильно? Уже отошли старики как бы. Это новая жизнь, они уже привыкли к той, старой жизни вот этой коммунистической... Они сами отошли”*; *“Раньше почти что вот старшие, старики говорили, а вот молодежь... послушали, делали. А сейчас – не-а. По-европейски стали жить”*. От диктата в семьях также отказываются. *“Люди уже более здраво начали мыслить. И уже дают своим детям право выбора”*.

2. Старшие продолжают настаивать на своей главенствующей роли, несмотря на то, что уже не обладают ни знаниями, ни авторитетом, чтобы ее поддерживать. *“Я для них все. Я сказала – это все. Сказано – сделано”*. *“Я, например, мой старший брат, я и мои родители... я какой бы старший ни был, какой бы взрослый ни был, они взрослее меня... Отец, например, есть здесь у нас, с нами живет здесь. Отец сказал мне – сиди. Сиджу. Все”*. Приходилось сталкиваться с ситуациями, когда в селе по-прежнему “законодателем мод” является годекан, где старшие (не обязательно старики) собираются и обсуждают сельские (а иногда и глобальные) новости, вырабатывая свое мнение, которое в дальнейшем служит безусловным ориентиром для остальных сельчан. Только эти старшие – в основном необразованные, пьющие и не очень обремененные работой. Очевидно, у молодежи (в той мере, в какой она остается в подобных селах), получившей образование и стремящейся к самореализации, подобное положение дел вызывает протест.

Необходимо отметить, что часто в различных семьях, принадлежащих к одним и тем же сообществам, модели поколенческих взаимоотношений существенно дифференцируются, и это неизбежно влияет на остроту межпоколенческого конфликта в сообществе в целом. Траектория межпоколенческих взаимоотношений во многом зависит и от того, какие нормы сложились в сообществах до кризиса 1990-х, насколько эти сообщества были приспособлены к адаптации к изменившимся условиям. Здесь свою

роль могли играть разные факторы. Так, на некоторых территориях глубокая эрозия поколенческих иерархий произошла еще в советское время, и потребность в ценностном сдвиге у молодежи не вызвала серьезного напряжения. Там же, где поколенческие иерархии сохранились практически в неизменном виде, межпоколенческий конфликт мог принимать чрезвычайно острые формы.

Другой значимый момент – это привычка к сосуществованию различных идеологий и моделей поведения в рамках одного сообщества. Советская власть в этом отношении очень по-разному повлияла на различные северокавказские территории. Где-то она фактически установила свою идеологическую монополию, вытеснив все альтернативные взгляды и воззрения. Где-то, напротив, она практически не оказала никакого влияния, и традиционные, во многом основанные на исламе системы регулирования сохранились до 1990-х годов. Но были и промежуточные ситуации, когда сообщества фрагментировались, в них сосуществовали и взаимодействовали разные группы – светские и религиозные, коммунисты и традиционалисты. В таких случаях появление еще одного, альтернативного подхода к жизни могло восприниматься спокойнее, чем в условиях привычки к идеологической монополии.

Еще один немаловажный фактор – это наличие внешних стимулов, препятствующих открытой манифестации межпоколенческого разрыва и предопределяющих выбор в пользу групповой (в том числе межпоколенческой) солидарности. Такие условия возникают, когда какая-либо (чаще этническая) группа, занимающая подчиненное положение, мобилизуется в борьбе за статусы и ресурсы, и выигрыш в этой борьбе как раз и воспринимается как способ (часто иллюзорный) адаптации к новым реалиям. Подобная мобилизация влияет на поведение и старших, и младших поколений, стимулируя их отказываться от части своих запросов в пользу компромисса и объединения сил в общей борьбе.

Все рассмотренное выше относится к объективным основам межпоколенческого конфликта и факторам, влияющим на его объективную остроту. Но эти процессы нельзя рассматривать вне тех форм, в которых этот конфликт проявляется. На Северном Кавказе языком, способом легитимации и механизмом мобилизации одной из сторон межпоколенческого конфликта стала идеология исламского фундаментализма². Безусловно, нельзя сводить причины распространения данной идеологии лишь к межпоколенческому конфликту, но этот фактор в любом случае играет немаловажную роль.

Если рассмотреть предусмотренные исламом отношения между младшими и старшими, на первый взгляд может показаться, что они вполне традиционны и вписываются в сложившиеся на Северном Кавказе поколенческие иерархии. С одним исключением – в религиозных вопросах подчинение не обязательно.

“– Все ли согласны, что мусульманин должен уважать родителей?”

– Да.

– Это в первую очередь нужно. После уверования в Аллаха он [мусульманин] должен уважать родителей. Слушаться.

– А если родители неправы?

– Ну смотри, если они против ислама идут, тогда уже можно их послушаться. ... Позволено их не слушать, если они против религии... Религия – это главное”.

² Для обозначения современных течений в исламе исследователями до сих пор не сформирован единый понятийный аппарат. Появившийся с конца 1980-х гг. и наиболее популярный сейчас термин “ваххабизм” фактически неправомерно объединил в единое понятие последователей определенных религиозных взглядов и экстремистов, сторонников насильственных действий. Значение термина с течением времени все более идеологизировалось и становилось все менее пригодно для использования в научных исследованиях. Пришедший ему на смену термин “салафизм” также недостаточно удачен и может вносить путаницу, поскольку не все представители рассматриваемых течений ассоциируют себя с салафитами. Остается фактически два варианта: более привычное разделение на “традиционный” и “нетрадиционный” ислам и более научно корректный и используемый в международной науке термин “исламский фундаментализм”. Именно последний представляется наиболее удачным для характеристики всей совокупности взглядов, характерных для новых исламских течений на Северном Кавказе, поскольку все они декларируют возврат к истокам и освобождение от нововведений (подробнее см. [Стародубровская 2015]).

А вот как трактовать, в каких случаях слово Всевышнего должно ставиться выше слова отца – здесь уже можно наблюдать большой разброс интерпретаций. Иногда это ограничивается чисто религиозными вопросами. Например, человек придерживается не того исламского течения, что его отец, и ходит в другую мечеть, но при этом в других сферах полностью соблюдает поколенческую субординацию. *“Я постоянно домой прихожу, без разрешения родителей никуда не хожу, без разрешения родителей ни с кем, или там неместными, или там плохими людьми не хожу. Поэтому меня родители увидели... то, что я делаю, например, им понравилось, они одобрили меня”*.

Однако в других случаях это понимается как жесткое неприятие всего, что родители делают не по исламу, не в соответствии с исламскими нормами жизни. Один из респондентов рассказывал об остром межпоколенческом конфликте в семье его родственников на религиозной почве. Родители без образования и статуса, но богатые, занимаются торговлей и в полной мере ориентируется на стандарты демонстративного потребления. Когда сын увлекся фундаменталистским исламом, первая реакция матери была – лишу наследства на роскошный многоэтажный дом. Но у сына – другая система ценностей: *“Я плевал на этот дом, он на хараме [грехе] построен, мне не нужно”*. В конфликт были вовлечены и другие члены семьи. Со старшим братом разногласия были связаны с его службой в вооруженных силах: *“Уйди с этой греховной службы”*. С дедом возникли религиозные трения. Деду он сказал – у тебя неистинная вера. *“Дед на него с палкой кинулся. Человеку 80 лет, ему заявляют под финиш, что он не так служил”*.

Почему в качестве языка межпоколенческого конфликта используется именно исламский фундаментализм, а не те традиционные течения ислама, которые характерны для различных северокавказских регионов? Дело в том, что молодежная эмансипация – это освобождение не только от диктата родителей и старших вообще, но и от безоговорочного подчинения устоявшимся авторитетам. Традиционный ислам не решает эту задачу. Он не дает пространства для самостоятельного поиска ценностей и смыслов. Особенно на Северо-Восточном Кавказе, где исламские традиции тесно связаны с суфизмом, одним из наиболее “вертикально” выстроенных исламских течений, предполагающим безоговорочное подчинение учителю. *“Для нас был один суфизм, мы все воспитывались на традициях суфизма. Значит, мы не задавались лишними вопросами... Там было единомыслие полное”*.

Фундаменталистский ислам дает определенную степень свободы в осмыслении человеком мира в религиозных категориях, то есть допускает самостоятельное мнение, иштихад. Однако вопрос о границах свободы в этом отношении неоднозначен. Умеренный взгляд на эту проблему предполагает, что собственные суждения могут выносить только знающие люди, алимы. *“Мы обращаемся к тем, кто знает, кто учился... И не останавливаемся на одной инстанции. Мы у одного спросили здесь... пошли к другому знающему, который учился, у него спросили. И потом мы из этой совокупности делаем, что лучше будет, именно судя по нашему региону... Мы смотрим, что дозволено, а что четко запрещено... И если все они три говорят, что это запрещено, то мы отодвигаем. Но если вот этот говорит – можно, этот говорит – нельзя, этот говорит – можно и нельзя, просто какая ситуация, мы берем в том положении, в котором мы находимся, и делаем, как лучше сделать. То есть, по своей местности, в нашем быту мы лучше знаем... Как лучше будет обществу, и так, чтобы это не противоречило канонам шариата”*. Однако есть и более радикальный подход, признающий за каждым человеком право на самостоятельную трактовку религиозных текстов, без оглядки на авторитеты. *“Каждый мусульманин должен искать истину... Пророк есть, вот он пускай будет моим шейхом [учителем]. А остальные обычные люди”*.

Кроме того, традиционный ислам предполагает учет характерных для той или иной территории норм и обычаев, носителями которых являются старшие, и относится к ним достаточно терпимо, даже если они не во всем соответствуют исламу. Фундаменталистской версии ислама чужда такая терпимость, они требуют соблюдения чистого ислама вне зависимости от того, что готовы и что не готовы воспринимать старики. *“Вот этого действующего имама если ты спросишь, например..., почему*

вы делаете вот эти обряды. Этот обряд произошел от Пророка, это достоверно от Пророка произошло, или же это нововведение в исламе? Он скажет тебе – это нововведение, но поскольку делали наши предки, для того, чтобы не было разногласий, мы делаем”. Для фундаменталистов это не аргумент – “знание противостоит традиции”.

Наконец, протест против сложившихся межпоколенческих отношений переносится и на всю совокупность общественных отношений. “В данный момент эти взрослые, я, например, считаю, что из-за них я сейчас в таком положении... Из-за них у нас школа нехорошая, из-за них у нас коррупция, ... весь бардак из-за них. Я придерживаюсь такого мнения”. И здесь также фундаментализм служит инструментом легитимации протеста, противопоставляя это созданное старшими несправедливое и не уважающее законы общество альтернативному социальному идеалу – исламскому халифату.

Примеры отдельных сел

Введя подобную теоретическую рамку, попробуем через ее призму рассмотреть ситуацию с межпоколенческими взаимоотношениями в отдельных селах.

Село Кубачи, Дагестан. Широко известное село ювелиров (около 2 тыс. фактически проживающих, в основном даргинцы), издавна занимающееся ремесленной деятельностью. Секреты ремесла передавались от отца к сыну. В советское время работал ювелирный комбинат, где были заняты практически все жители села. В 1970-х – 1980-х гг. жители села активно выезжали в Среднюю Азию, где был значительный спрос на дешевые ювелирные изделия. В 1990-е большинство из них вернулись.

Трансформационный кризис 1990-х село прошло достаточно безболезненно. Комбинат снизил объемы производства. Начались перебои с заработной платой. Однако ювелиры достаточно быстро перестроились и стали работать частным образом (благо опыт был еще в советское время), в городах появились новые каналы реализации – “у нас такой народ энергичный, начал просто делать кольца... сережки, браслеты. И они тут пошли, по всей России пошли”. В условиях высокой инфляции спрос на изделия из драгоценных металлов был высок. “Деньги же тогда обесценивались, и всю работу забирали у нас”. В этот период количество изделий было важнее качества, фактически отсутствовала конкуренция. Изделия брали “на вес”. Уровень жизни населения резко повысился.

Впервые с серьезным кризисом жители Кубачей столкнулись в 2008–2009 гг. Цена на металл выросла, спрос упал. Это оказало двойное влияние на жителей села. Во-первых, обострилась конкуренция как между производителями внутри села, так и с продукцией других (в том числе внешних) производителей. Фактор качества и поиск новых каналов реализации стал играть принципиально важную роль. Во-вторых, кубачинцам пришлось искать альтернативные источники заработка. Хорошие ювелиры были вынуждены устраиваться официантами, таксистами, строителями, мебельщиками, подрабатывать в лакских обувных цехах. Адаптационный период проходил непросто – по имеющимся свидетельствам, выйти в люди, выйти в другие профессии в ситуации, когда с детства привык в одиночестве сидеть за столом, было очень сложно. После кризиса прежний уровень спроса на кубачинские изделия так и не восстановился. В условиях подорожания серебра доходы ювелиров серьезно сократились. Так что ювелирная деятельность становится все менее привлекательной для жителей села, особенно для молодежи.

Подобный характер адаптационного процесса своеобразно повлиял на трансформацию межпоколенческих отношений в селе.

С одной стороны, в селе сохранялась поколенческая преемственность, которая примерно до конца 2000-х гг. обеспечивала молодому поколению успех в жизни. Тем самым в этот период не было основания для межпоколенческого ценностного разрыва, до сих пор мнение старших в селе уважается, к ним обращаются за советом и при разрешении конфликтов. Молодость местного имама явно рассматривается как недостаток. “Какой-то молодой, с какого-то села приехал, меня еще будет учить!”.

Молодой глава села испытывает сложности во взаимодействии со старшими: *“Как я могу человеку, который годится мне в дедушки, объяснять, что он не прав? Мне как-то это стыдно получается”*.

С другой стороны, поколенческие иерархии серьезно расшатаны. На это повлияло несколько факторов.

Во-первых, это активные процессы отходничества, миграции. Раньше люди не могли себе представить, что можно жить по-другому, чем принято в селе. Все началось с выездов на заработки в Среднюю Азию (где выходцы из Кубачей жили в основном в городах и воспринимали городскую культуру). Затем в 1990-е и 2000-е жители села, в первую очередь молодежь, стали активно ездить по стране в поисках новых каналов реализации. С повышением уровня благосостояния стали выезжать на курорты, в Европу. *“Все начали ездить куда-то, что-то узнавать”*.

Во-вторых, это перепады спроса на ювелирные изделия. В 1990-х–2000-х гг. в условиях достаточно индивидуализированного характера производства молодежь стала хорошо зарабатывать, оказалась способна сама себя обеспечивать. *“Для чего тебе деньги? Для свободы. А когда нету – ты слово не можешь сказать. Родитель дал – сделаю. Ты заработал – ты сам можешь машину купить, дом купить. Я женюсь на ком я хочу. Ты зачем указываешь мне? Ты зарабатываешь – ты уже по-другому начинаешь говорить. Хочешь – не хочешь, гонор появляется”*. Затем, с началом кризиса конца 2000-х, именно молодежи пришлось в первую очередь адаптироваться к новым условиям, искать новые жизненные стратегии. И это также повлияло на процесс эмансипации.

В-третьих, это очевидные для старших в условиях жесткой зависимости от рыночной конъюнктуры преимущества молодежи в быстром приспособлении к новым веяниям, поиске новых решений. *“Сейчас, честно говоря, дети уже умнее стали. Намного больше информации получают, чем родители. Они уже знают, что происходит в мире, что творится, какие новости, где какие проблемы, какие ситуации, какая профессия интересная... Они лучше развиты в общении, чем взрослое поколение”*.

Поэтому попытки жесткого диктата со стороны старших достаточно редки. По каким-то серьезным вопросам – учиться, жениться, крупные покупки – молодые советуются с родителями. В большинстве случаев младшие соглашаются с мнением старших. Но если возникают разногласия, в семье пытаются найти компромисс, не идти на жесткий конфликт. *“Мать разъясняет, отец разъясняет, соседи разъясняют, родные и близкие разъясняют ему... Нет – тогда родители соглашаются и дружно живут. Что делать? Другого выхода же нету”*. Старшее поколение даже достаточно спокойно воспринимает желание младших переключиться с традиционного для села ремесла, которое перестает давать высокие доходы, на другие, более перспективные виды деятельности. Так, проинтервьюированные учащиеся одного из выпускных классов практически единодушно выразили желание получить образование и переехать в город, рассматривая ювелирное дело как страховку, подработку, но планируя специализироваться в других сферах, поскольку ювелиры *“плохо зарабатывают”*.

В селе размываются внешние формы почтения к старшим: *“Там, допустим, обновить машину, старика посадить в машину, подвезти – уже нет такого”*. Властные иерархии могут перевешивать поколенческие. Например, когда старики неподобающе ведут себя на кладбище, молодой глава села может сделать замечание даже своему отцу. *«Все эти старики, которые должны меня учить, как себя вести, вот Мутаалим [имам] делает очень много замечаний, ему говорят: “Ты молодой, слушай, ты свое читай, ты не вмешивайся сюда”. Ну, иногда выходишь из себя, ну что за беспредел! Ну так же не должно быть!»*.

Таким образом, по большинству вопросов традиционное подчинение младших старшим уже не играет своей прежней роли, и старшее поколение не претендует на безусловное доминирование. Тем не менее есть два основных исключения из этого правила.

Во-первых, это организация браков. Традиционно кубачинцы женились только на кубачинках, независимо от того, где они проживают. Судя по всему, изначально это было связано с необходимостью сохранять секреты ремесла в своей общине. Позиция старше-

го поколения – *“хоть без руки, хоть без ноги, но кубачинка”*. Нельзя сказать, что сейчас это правило работает на 100 процентов. *“Те, которые знают, что такое любовь, уже которые выросли в городе... женятся на совершенно разных национальностях”*. Однако его нарушение может привести к длительному серьезному конфликту с родственниками и настроенному отношению в селе. *“У нас не так смотрят, если за других”*.

Во-вторых, это религия. Процесс религиозного возрождения и религиозный раскол, характерный для большей части Дагестана, практически не затронул Кубачи. Строго соблюдающих обряды мусульман чрезвычайно мало – 10–15 человек. Несмотря на это, в селе мы встречали достаточно жесткую реакцию на проблемы ислама. Те немногие молодые люди, которые ходят в мечеть, воспринимаются как угроза. *“Молодые, они уже под контролем участкового, потому что они старших не слушаются”*. Один из собеседников рассказывал, как отец ударил сына только за то, что тот зашел в мечеть и его там накормили. В ходе интервью достаточно часто приходилось слышать суждение: пусть лучше пьют, чем молятся. Почему же в селе, где столь явно расшатаны поколенческие иерархии, именно религиозный вопрос вызывает такое очевидное напряжение? Судя по всему, здесь можно выделить несколько причин.

Во-первых, эмансипация младших поколений происходила фактически в рамках тех же жизненных ориентиров, что и раньше. В этих условиях старшие в целом понимают, к чему стремятся молодые. *“Жизненные цели те же самые. Вырастить детей, их женить, построить им дома... достаток... такие обычные цели”*. Применительно к практикующим мусульманам ситуация другая: их жизненные цели отличаются, непонятны окружающим и потому воспринимаются как потенциальная угроза. *“Сейчас молодые, я не знаю, надо стараться крутиться, вертеться, работать, зарабатывать. Они об этом не думают”*.

Во-вторых, уход в ислам воспринимается как разрушение сложившейся кубачинской идентичности, разрыв с традициями села. *«А я-то, что говорю, по наследству взял, то, что мой папа-мама, дедушка-бабушка, которых даже в живых нету... А ты придержишься того, что ни папа, ни бабушка не придерживались, а придерживаются какие-то, блин, друзья – не друзья приехали... У тебя свое что-то есть, которое сказать: это мое? Я вот иду вот оттуда вот – я чей-то. Чтоб сказать – “я вот с этого рода”... Все, ты перемешался, у тебя своего нету. И это все мы теряем. Потому что все перемешалось»*.

Наконец, в-третьих, отказ от музыки, от спиртного фактически исключает религиозную часть молодежи из социальной жизни села, противопоставляя их остальной сельскому сообществу. *“Ты должен и выпить, и молиться – ты уже более нормальный”*.

В то же время и эта молодежь достаточно критично смотрит на то, что принято в селе и считается исконно кубачинским. *“Невежественный человек... он привык так жить, и у него одна мысль в голове: мой отец так жил – и все. Никакие доводы, размышления – это все чуждо ему... Сельский человек, он как бы привык: работать – пить. Вот у кубачинцев такая жизнь: работать-пить... Вот эта установка, да, она движет людьми. Для того, чтобы выйти за рамки установки, как бы она должна перестать действовать. То есть она вот в современном мире перестает действовать. Они понимают, что так уже дальше не может быть. Дети куда-то разлетаются там, женятся на других, надо смотреть дальше на мир. Начинают задумываться многие, конечно. И пересматривать свою эту установку”*.

Село Псыж, Карачаево-Черкесия. Крупное абазинское село, пригород столицы Черкесска. Численность населения – около 10 тыс. человек. Наряду с абазинами, в селе проживают также люди других национальностей – русские, татары. “Коренных” жителей в селе осталось немного – по оценкам, менее 20%.

В советское время село было зажиточным. Здесь находилась центральная усадьба колхоза “Кубань”. Однако основную занятость обеспечивал город. Сельчане работали на химзаводе, заводе резинотехнических изделий, на обувной и швейной фабриках, на радиозаводе. В селе был большой сектор теневой экономики, жители славились своей

предприимчивостью. неплохие доходы давал сельскохозяйственный сектор. Откорм и продажа 5–6 бычков позволяли купить автомобиль.

Кризис 1990-х в селе переживался достаточно тяжело. Эти годы ознаменовались банкротством колхоза, закрытием многих промышленных предприятий Черкесска, ранее обеспечивавших занятость. Началось активное перераспределение собственности, противостояние различных групп в борьбе за землю. Село получило славу “бандитского” – здесь базировались многие криминальные группировки. Сейчас население села занимается животноводством, работает на стройках, находит работу в городе. Развивается женское надомное производство, есть вязальные и швейные цеха. Проходящая через село трасса обеспечивает возможности для мелкого бизнеса.

Экономическая трансформация привела к существенному сдвигу гендерных иерархий – женщина часто является основным кормильцем в семье, и это принципиально меняет ее положение. Что касается поколенческих иерархий, то старшее поколение стремится удержать младших “в узде”, но это у него плохо получается. *“Борзуют. Женщины борзуют, молодежь борзует”*. Жизненные стратегии старшего поколения в условиях резкой смены экономического уклада для молодежи не представляются привлекательными. Село испытывает очевидный кризис межпоколенческих взаимоотношений, проявляющийся в том числе и в появлении исламского фундаментализма как формы манифестации межпоколенческого конфликта. Но не только – в школе жаловались, что ученики демонстративно не соблюдают нормы уважения к старшим.

Если послушать представителей старшего поколения, то младшие им полностью подчиняются. Однако молодежь воспринимает ситуацию совершенно по-другому. *“Мы посмотрим, как мы решили. Если не получится, тогда как родители сказали, так и сделаем”*. При этом для старших сохранение возможностей контроля за детьми является одной из важнейших доминант при принятии решений по всем жизненно важным вопросам. Так, последнее время родители стараются, чтобы дети уезжали учиться не дальше, чем за 100 км – чтобы в выходные съездить и проверить, чем занимается ребенок. *“И сейчас последнее слово за родителями. По одной простой причине. Страх. Страх потерять ребенка. Вот этот с провинциального аула... он уйдет с опеки родительской, пойдет в город, а там вседозволенность”*. Еще один страх связан с распространением различных религиозных учений. *“Сейчас еще там другая сторона есть, кроме учебы. У нас очень вот эти вот религиозные... фанатичные вот эти вот”*.

Но на самом деле контролировать не очень получается, многие старшие не являются авторитетом для молодых. Так, возникающие конфликты молодежь стремится решать в своем кругу, к старшим не обращаясь. Потеря уважения связана, в частности, с тяжелыми последствиями перелома 1990-х – широким распространением пьянства, наркомании. *“Потому что старшие для младших стали некомпетентны. Почему? Потому что старшие, они спились. И поголовное большинство, они такие вот алкаши были... Что он может сказать, какую нравственность он может передать поколению, если он сам некомпетентный? Нажрется как свинья, придет там, жену побьет, детей побьет, и все... Они цепочку потеряли”*. Один из жителей рассказывал, что его друг обещал сыну – соблюдающему мусульманину – бороду топором отрубить. *“Это он в сердцах говорит. Потому что он не может повлиять”*.

Молодежь во многом живет своими ценностями, своими смыслами, своими представлениями о жизни, существенно отличающимися от ценностей старших. Это проявляется при сопоставлении взглядов разных поколений практически по любому вопросу. Так, для старших Псыж – это национальное село, оплот абазинской культуры, противостоящий городу с его развращенностью и вседозволенностью. В городе не знают языка, не соблюдают традиций. Для молодежи Псыж – это фактически часть города, в своих ответах они не отделяют его от Черкесска, а себя – от горожан. Более того, город для них представляется более привлекательным, чем село. *“В городах свободнее как-то. Тут что-нибудь сделаешь – сразу докладывают, языки пойдут, лишнего ничего не позволяешь себе”*.

Принципиально различаются позиции младшего и старшего поколения по отношению к представителям исламского фундаментализма, живущим в селе. Старшие видят в этом проблему и опасность. *“И вот эта зараза расползается. Как-то это все равно тревожно”*. Для молодежи – это просто одна из существующих субкультур со своими атрибутами. *“Старшие живут по каким-то, можно сказать, старым обычаям. Сейчас как бы XXI век, и молодежь как хочет, так и одевается. Что более приятно видеть на себе, то они и будут носить... Вы же не можете сказать ему: сбрей бороду, она мне не нравится... Я не знаю, у стариков как. У молодежи нет такой проблемы. Свободно общаюсь с людьми”*. И отношения строятся не на основе каких-то внешних признаков, а на основе личных качеств человека. *“Ну он знает человека, он будет к нему хорошо относиться. Не важно, бритый он – не бритый, ваххабит он – не ваххабит. Главное, что он знает этого человека и относится хорошо”*. Молодые спокойно общаются в компаниях, включающих как светских, так и религиозных парней, ходят вместе в кафе, играют в футбол.

При этом исламская проблема действительно воспринимается в селе как достаточно острая, хотя степень религиозности невысока – в мечеть ходят 100–150 человек. До начала 2000-х туда ходили только старики. Затем пошла молодежь, появились женщины в хиджабах, мужчины с бородами. Укрепившийся ислам серьезно ограничил роль криминальных банд в селе. Частично молодежь из криминала ушла в ислам. *“Многие ребята, которые в прошлом были в криминале, стали в одночасье [мусульманами]”*. Частично мусульмане продемонстрировали, что с ними лучше не связываться. Теперь блатные против мусульман в открытую не идут.

Одновременно растущая религиозная община оказалась в конфликте с имамом – сторонником не критичного следования религии предков. На 2003 г. пришелся пик противостояния между стариками и молодыми в мечети. *“А старики, они не были компетентные на то время. Просто: мы старшие, слушайте и все. И до сих пор тут молодежь не слушается, и они в качестве доказательства приводят, что мы придерживаемся тому, чему наши предки придерживались. И все, больше никак не убеждают молодежь. Естественно, это их (молодых. – И.С.) не устраивает. И вот какой-то раскол. Потом к какому-то общему пришли: и старики не трогают молодежь, молодежь тоже не газует, как говорится... Ну, они отстранились – вы там больше знаете. Ну кто-то. А кто-то до сих пор не может это принять, что молодежь уже их не слушается”*. По каким же вопросам поколения не могли найти между собой общий язык?

Во-первых, это вопрос о безоговорочном подчинении имаму. Старый имам считает, что если верующий пришел в мечеть, он должен, не рефлексируя, повторять то, что делает имам. *“Хочешь, веришь Богу, веришь эфенди, становись сзади, что он делает делай и выходи”*. Молодежь с этим не согласна. В селе есть люди, прошедшие религиозное обучение за рубежом и гораздо глубже знающие религиозные вопросы, их авторитет явно выше. Но и он не безграничен. Молодежь нового поколения все меньше обращается к знающим людям, все больше опирается на знания, полученные в Интернете. Даже то, что они слышат от известных проповедников, потом проверяют и анализируют на основе альтернативных источников информации.

Во-вторых, это вопрос о том, нужно ли всем единообразно следовать тому исламскому толку (мазхабу), который традиционно принят в этом регионе. Официальные духовные власти на этом настаивают (*“хотим, чтобы по одному мазхабу все одинаково в мечетях, вот это пропагандируем”*), и в этом их поддерживают старики, которых раздражает, что молодые молятся несколько по-другому. Однако молодежь воспринимает ислам более глобально, не видит преимуществ традиционной для республики школы перед всеми другими, и вообще считает этот вопрос второстепенным.

В-третьих, это вопрос о традициях и исламских нормах. В селе традиционными считаются похороны с отклонениями от исламских обрядов и чрезвычайно дорогостоящие поминки. Религиозная молодежь выступает против этого. *“Когда человек умирает, у наших людей волосы дыбом встают. Он не расположен к гореванию, он располо-*

жен к тому, где деньги взять. ... У него и так в жизни горе. ... Мы хотим облегчить его положение”.

Надо сказать, что подобная модель конфликта достаточно типична для “расколотых сел”, в том числе и тех, где исходно религиозность жителей гораздо более высока. В ее основе – ценностной разрыв между авторитетом старшинства и авторитетом знания, иерархией и личной свободой, приоритетом локального или глобального, традицией и положениями закона. И этот ценностной разрыв выражается именно языком ислама, в его категориях и нормах.

В случае Псыжа конфликт удалось притушить, поскольку службы в мечети стал вести более образованный и более толерантный имам Абазинского района. Однако полностью ситуация не урегулирована до сих пор.

При этом в религиозном размежевании жители села четко видят проявление межпоколенческого конфликта. *“Идет конфликт отцов и детей”.* Причем даже не во внутримечетских разногласиях – старый имам не пользуется уважением и у светской части села. А в том, что “религиозные диссиденты” имеют другие ценности, придерживаются другого образа жизни, позволяют себе жестко отстаивать свои взгляды в разговоре со старшими, авторитетными в селе людьми. То есть разрушают столь милую сердцу старших культурную унификацию. *“А сейчас не то что в религиозной части, и у себя дома дети разные стали. Не так, как раньше. ... При коммунистах мы ж все знаем, как было – порядок все ж-таки. А при демократии нет-нет все равно волю почувствовали”.*

* * *

Таким образом, представляется, что анализ межпоколенческого конфликта является важным инструментом изучения резких социальных трансформаций. Именно в рамках межпоколенческого ценностного разрыва и манифестирующего его межпоколенческого конфликта возникают предпосылки для существенной трансформации сложившейся в обществе системы ценностей и, тем самым, для выхода из институциональной “колеи”. И те идеологии, обычно достаточно радикальные, которые в этой ситуации берет на вооружение молодое поколение, могут существенно повлиять как на ход, так и на результаты данной трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Инглхарт Р. (1997) Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. Полис. № 4. С. 6–32. (<https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>).

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство.

Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ – ВШЭ.

Стародубровская И. С. (2015) Как бороться с радикализмом молодежи? // Общественные науки и современность. № 6. С. 84–96.

Social Transformation and Intergeneration Conflict (the Example of the North Caucasus)

I. STARODUBROVSKAYA*

* Starodubrovskaya Irina – Department Director “Political Economy and Regional Development”, Candidate of Science (Economics), Gaidar Institute for Economic Policy. Address: 3–5, build. 1, Gazetny per., Moscow, 125009, Russia. E-mail: irinas@iet.ru.

Abstract

The article is devoted to the role of intergeneration conflict in the process of social transformation. In spite of the fact that this phenomenon is quite universal it's possible to recognize its specific role in this process as social crisis is characterized by special type of intergeneration conflict associated with the interruption of intergeneration transfer of values and norms. Using the North Caucasus (where extensive field work was undertaken) as an example it was demonstrated what factors influenced the forms and severity of intergeneration conflict. It was explained why islamic fundamentalism in the North Caucasus republics formed the language, the way of legitimation and the mobilization mechanism for one of the side of intergeneration conflict.

Keywords: generation hierarchies, intergeneration transfer of values and norms, intergeneration conflict, islamic fundamentalism, North Caucasus.

REFERENCES

- Inglehart R. (1997) Postmodern: menyauschiesya tsennosti I izmenyayuscheesya obschestvio. [Postmodernization: changing values and changing societies]. *POLIS*, no. 4, pp. 6–32 (<https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>).
- Inglehart R. Welzel Ch. (2011) *Modernizatsiya, kulturniye izmeneniya I demokratiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy]. Moscow: Novoye izdatelstvo.
- North D. *Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the Process of Economic change]. Moscow: GU – VSHE.
- Starodubrovskaya I. Kak borot'sya s radikalizmom molodezhi na Severnom Kavkaze? [How to Fight Youth Radicalism in the North Caucasus?]. *Obshchestvenniye nauki i sovremennost'*, no. 6. pp. 84–96.

© И. Стародубровская, 2016